

умирая, не мог примириться с горькой мыслью, что его, мнившего себя царем мира, постигла такая жалкая участь. Сын его, Малик-шах, взял потом у византийцев Антиохию; достигнув Средиземного моря, которое турки считали западным краем света, султан въехал на своем коне в волны морские и трижды опустил в воду свою саблю. Насыпав на могилу Альп-Арслана песку, набранного с морского берега, он обратился к духу умершего со словами: «прими от меня, отец мой, добрую весть, ибо сын твой, которого ты оставил отроком, распространил границы твоего государства до крайних пределов мира».

Владычество турок охватило всю цепь плоскогорий от Эгейского моря до Куэнлуня: основой питания их государства были те же самые плодородные равнины, которые кормили и арабов; северные кочевники пришли на смену южным. Но турки были и остались гораздо большими варварами, чем арабы. Их господство в Передней Азии повело к разрушению ее культуры. Турки не вникали в интересы местного населения, от работы которого зависело их собственное существование: огромные сооружения, столь важные для земледелия и садоводства, заботливо поддерживавшиеся арабами, начали приходить в упадок. То же было с просвещением: турки приняли мусульманство лишь по внешности, в изучение корана, служившее началом арабской философии и науки, вникать не хотели, о поддержании школ, составлявших предмет заботы Аббасидов, не думали. Первые три султана, строго проводившие единство государства, еще умели сдерживать свое подвижное и беспокойное воинство. Но когда среди преемников Малик-шаха, разделивших громадную державу на части, начались усобицы, необузданность варваров снова вырвалась наружу: летучие конные отряды враждебных между собою султанов и эмиров беспощадно обирали мирное население, вымещая на нем свои взаимные обиды.

Разрушение материальных благ сопровождалось упадком веры: зрелище бессмысленного уничтожения отнимало у людей влечение к труду, к правильному устроению жизни, интерес к религии, науке, философии. Из массы обнищавших, разоренных, отчаявшихся одни, более тихие и мягкие, обращались к жизни добровольной бедности, становились суфитами (от суф, грубой рясы из верблюжьей шерсти) или дервишами (странствующими монахами). Суфиты отстраняли коран и ставили выше него внутреннее откровение в тайниках души, которое приближает человека к Богу; дервиши старались привести себя в святой восторг и забыть постом, самобичеванием, головокружительной пляской, однообразным пением молитв. Другие, более беспокойные и горячие, изливали свое раздражение в мятежах и сопротивлении властям, распространяли революционное учение о пришествии таинственного преемника пророка, махди, которого Бог внезапно призовет к свету, чтобы поднять весь народ, свергнуть нечестивых правителей и водворить истину.